Чанад vs Давид...

Сегеди у памятника жертвам Холокоста, Будапешт

Вторая жизнь Чанада Сегеди началась в квартире раввина Баруха Оберландера в районе синагоги в будапештском квартале Erzsebetvaros. Этот моэль (специалист по обрезанию) одним взмахом скальпеля превратил антисемита Чанада в еврея Давида.

30-летний Сегеди был вторым человеком в правоэкстремистской партии Йоббик, которую представлял в Европейском парламенте. Он сделал карьеру на утверждениях о том, что евреи грабили Венгрию и вступили в союз с цыганами, чтобы превратить «чистых» венгров в меньшинство в своей собственной стране. Политик не брезговал появляться на публике в черной военной форме запрещенной Венгерской гвардии.

Но, узнав, что рожден в еврейской семье, Чанад круто изменил свою жизнь (см. «И ты… Сегеди», «Хадашот», ноябрь 2013). Теперь он называет себя Давид, соблюдает кашрут, изучает иврит и посещает синагогу каждую пятницу. «Это моя истинная идентичность», — говорит почти двухметровый Сегеди, который предпочитает сегодня итальянский дизайнерский костюм и черную кипу.

Незадолго до того, как солнце скрывается за домами Буды и наступает шабат, Давид Сегеди подъезжает к синагоге Обуда с матерью, женой и двумя сыновьями. В начале XIX века она считалась крупнейшей в Будапеште, а колонны придавали ей вид коринфского храма. После войны здание использовали в качестве склада, позднее здесь разместили телестудию.

Синагога вновь открыла свои двери для евреев четыре года назад, и сегодня Сегеди с некоторым усилием читает здесь благословения на иврите. «Верующие евреи должны придерживаться 613 заповедей, — говорит он, добавляя, что пока исполняет только 80 из них. — Я пытаюсь, но это не

произойдет в одночасье».

В эту пятницу в синагогу пришли около сотни прихожан, женщины занимают места на своей половине, сыновья Сегеди вертятся у бимы, неоднократно теряя кипы. Сам Давид еще кажется немного неуклюжим, раскачиваясь в такт во время молитвы.

Делая все, чтобы стать евреем

Мужчины и женщины вкушают субботнюю трапезу — цыпленка, хумус и огуречный салат. Молодой человек из-за соседнего стола наклоняется и спрашивает Сегеди: «Ну? Вы освоили иврит?» Сегеди стал частью общины, но далеко не сразу. Когда он впервые пришел на службу, многие демонстративно покинули синагогу из чувства протеста.

«Они не верили, что я действительно изменился», — говорит Сегеди. — Многие простили мне прошлое с большим трудом. Я это прекрасно понимаю». Он и сам с трудом верит в то, что произошло...

Летом 2012 года Сегеди вышел из партии Йоббик, нашел раввина и начал изучать Тору. Он посетил Израиль, побывав в Яд ва-Шем и у Стены плача. Он делал все, чтобы стать евреем. Ночами просыпался в холодном поту, сгорая от стыда. Иногда включал компьютер и смотрел свои старые многочасовые выступления на YouTube. Он всегда был убедителен, источая ненависть к цыганам, словакам, ЕС и «международному финансовому капиталу» — спокойно, почти бесстрастно.

«Сегодня я хочу загладить свое прошлое добрыми делами», — говорит он.

Чанад Сегеди родился в восточной Венгрии в 1982 году. Его учитель истории был ревностным националистом, часто вспоминавшим Трианонский договор 1920 года, разделивший Королевство Венгрия, утратившее около двух третей территории в пользу соседей. Для венгерских националистов это историческая травма, лежащая в основе их мировоззрения.

«Зависимость»

Сегеди изучал историю в Будапештском университете, где объединился с другими студентами правых взглядов. Для него правящий сегодня Венгерский гражданский союз — партия заумного национализма — была слишком

умеренной. Он был радикальнее. Он не хотел дебатов; он хотел жечь флаги ЕС. Ненависть стала его политической валютой. А началось все с цыган. «Сначала это касалось лишь цыган-уголовников, — говорит Сегеди. — Потом — всех цыган. Позже вы начинаете ненавидеть словаков и румын. Вам всегда нужно больше. Это — как наркомания».

В 2003 году Сегеди становится одним из основателей партии Йоббик, получив членский билет под номером 63. Они считали себя авангардом, достаточно смелым, чтобы произнести вслух то, о чем многие венгры думали втайне: цыгане должны уйти, левые партии необходимо распустить, и Брюссель хочет поработить Венгрию.

В партии был также широко распространен антисемитизм. Многие члены Йоббик верили, что Холокост и лагеря уничтожения были выдуманы евреями для навязывания другим чувства вины и вымогательства у них денег. Тогда Сегеди жил этим, став чем-то вроде радикального лидера мнений для крайне правых. Он даже написал книгу под названием «Я верю в воскресение Венгрии», в предисловии которой был назван одним из однопартийцев «кулаком партии». Сегеди также делал неплохие деньги, продавая футболки с руническими письменами и другие безделушки с правой символикой в своем интернет-магазине.

Некоторые завидовали успеху молодого политика, как, например, Золтан Амбрус, его последователь, отбывший срок за хранение пистолета и пластиковой взрывчатки.

Зловещий секрет

Четыре года назад к Амбрусу попали документы — вероятно, из архивов госбезопасности, — подтверждавшие еврейское происхождение Сегеди. Амбрус шантажировал Сегеди, в то время депутата Европарламента, и заснял разговор на видео. Политик предложил тому работу и деньги в обмен на молчание, но Амбрус отказался и сообщил в партию. Лидер Йоббика Габор Вона поначалу пришел в восторг. «Супер, — сказал он. — Ты теперь наш щит от обвинений в антисемитизме!» Но большинство однопартийцев считали иначе. Один из «соратников» заявил: «Лучше всего было бы пристрелить тебя прямо сейчас».

Сегеди вдруг почувствовал себя евреем. И вспомнил о подсознательном, еще

с детства, чувстве, что с ним не все в порядке. С одной стороны, он говорит, что рано узнал, «что быть евреем плохо». С другой, мать однажды ударила его за пересказ услышанного в школе антисемитского анекдота.

До войны в Мишкольце, где родился Сегеди, жили около 14000 евреев. Только 105 из них вернулись из концлагерей, в том числе его бабушка. Она скрывала свое прошлое от детей, как зловещую тайну, и даже в жару всегда носила блузки с длинными рукавами, прикрывавшими татуированный лагерный номер. Венгерские жандармы загнали бабушку Сегеди, 25-летнюю Магдолну Кляйн, в вагон для перевозки скота, шедший в Освенцим в далеком 1944 году. Первым увиденным ею немцем был пресловутый «Ангел Смерти» Йозеф Менгеле. Он послал ее «направо» — к тем, кто был в состоянии работать. Большинство были направлены «налево» — в газовые камеры.

Однажды утром одеяло Магдолны исчезло, а это нарушение обычно каралось смертью. Но охранник просто ударил ее, отправив в другую «трудовую команду». Новую работу она переносила легко, дождавшись освобождения Освенцима Красной армией 27 января 1945 года.

Магдолна Кляйн вернулась в Венгрию и вышла замуж за еврея, также узника Освенцима, потерявшего в Холокосте первую жену и двоих детей. Пара посещала синагогу каждую пятницу. В 1956 году, когда венгры восстали против коммунистического режима, бабушка Сегеди видела, как толпа повесила полицейского на дереве и сорвала с него штаны. Тот был обрезан. Еще одно доказательство для черни, что коммунисты в Венгрии и их пособники — не кто иные, как евреи. Это был старый антисемитизм, который, как надеялась Магдолна, исчез вместе с нацистской Германией. В тот день она и ее муж решили перестать быть евреями. Они никогда больше не посещали синагогу и не вспоминали об Освенциме.

С такой семейной историей, говорит Сегеди, уже невозможно быть праворадикалом, а тем более членом Йоббик. Именно поэтому в один прекрасный день он отправил смс раввину Кевесу: «Пожалуйста, позвоните мне». Раввин счел это шуткой, но все же назначил встречу. «Я увидел человека, находившегося в свободном падении, — говорит Кевес. — Он потерял всех друзей и всю свою уверенность».

Рав Кевес проконсультировался с коллегами, и они пришли к выводу, что,

«несмотря на свое прошлое, Сегеди нуждался в помощи». Вскоре Кевес встретился с Сегеди еще раз, и они беседовали об антисемитизме и иудаизме. Дискуссия была сродни поединку. «Евреи скупают Венгрию», — заявил Сегеди. «Некоторые израильские инвесторы создают рабочие места для венгров», — парировал раввин. Так продолжалось целый день.

Еврейская семья

Шаг за шагом Чанад Сегеди преодолевал свое прошлое. Он закрыл свой интернет-магазин, отослал непроданные товары поставщикам и выбросил книги. Единственное, что он оставил из прошлой жизни, — депутатское кресло в Европейском парламенте, не желая, чтобы его занял праворадикал от Йоббик.

Некоторые, как, например, философ Гаспар Миклош Тамаш, обвиняют Сегеди в том, что он остался расистом. «Пока Сегеди полагал, что является «чистым венгром», то смотрел на мир через националистический венгерский объектив. Но, узнав о своем прошлом, он начал воспринимать все с исключительно еврейской точки зрения».

Кевес качает головой; он считает, что Сегеди пережил настоящий катарсис. «То, что он сделал для партии, вдруг оказалось неважным, — говорит Кевес. — Имело значение лишь то, что он еврей. Если бы руководство Йоббик было терпимее, возможно, Чанад никогда не стал бы Давидом».

Вся его семья вернулась в еврейство, кроме бабушки. «Она все еще думает, что Холокост может повториться в любой момент и ненависть к евреям никогда не исчезнет», — говорит Сегеди. Узнав, что внук собирается сделать обрезание, она пыталась отговорить его. И она все еще не ходит в синагогу…

Ян Пул, Spiegel Online, перевод с английского и литературная обработка Илья Григорьев
Публикуется в сокращении